

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 303.446.4(410)+929

«Исторические сомнения» Х. Уолпола в характеристике Ричарда III

Н. С. Креленко

Креленко Наталья Станиславовна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, krelenkon@mail.ru

Статья посвящена анализу сочинения Х. Уолпола «Исторические сомнения относительно жизни и правления короля Ричарда Третьего». Предпринята попытка пересмотра и реабилитации английского короля Ричарда III. Историк-любитель, знаток политических тонкостей Х. Уолпол постарался установить связь между формированием образа Ричарда III и политической обстановкой, сложившейся в стране после его смерти. Работа Х. Уолпола содержит интересный анализ взглядов авторов, сочинения которых легли в основу исторического портрета последнего короля из династии Йорков, а также несколько замечаний о роли и значении истории в жизни общества.

Ключевые слова: Англия, Просвещение, предромантизм, Х. Уолпол, война Роз, Ричард III, Томас Мор.

Поступила в редакцию: 08.01.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

H. Walpole's "Historic Doubts" in his Characterization of Richard III

N. S. Krelenko

Natalia S. Krelenko, <https://orcid.org/0000-0002-7691-6811>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, krelenkon@mail.ru

The article deals with the analysis of H. Walpole's "Historic Doubts on the Life and Reign of King Richard the Third". The focus of the article is on the attempt of reconsideration and rehabilitation of English king Richard III. An amateur historian and expert on the subtleties of politics, H. Walpole tried to establish a link between the development of the image of Richard III and political atmosphere prevailing in England after his death. Walpole's work contains an interesting analysis of the views of the authors whose writings formed the basis of historical portrait of the last king of the House of York. It also contains a few remarks on the role and importance of history in society.

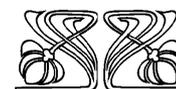
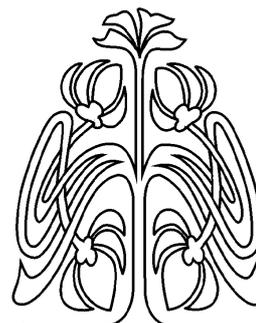
Keywords: England, Enlightenment, Pre-Romanticism, Horace Walpole, the War of the Roses, Richard III, Thomas More.

Received: 08.01.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-337-343>

Давая оценку исторической роли и личностной характеристики английского короля Ричарда Йорка, в середине 70-х гг. прошлого века советский историк М. А. Барг написал следующее: «...Наука знает о Ричарде III гораздо меньше, чем знает каждый»¹. Эта звучащая парадоксально фраза очень точно передает сложившуюся пять столетий назад ситуацию. Ведь речь идет о периоде, от которого остались довольно многочисленные письменные свидетельства. Действиям этого челове-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ка была дана оценка, неоднократно озвученная, снабженная выразительными формулировками и комментариями.

Вместе с тем периодически предпринимались попытки переосмысления личности Ричарда III Йорка учеными и просто любознательными потомками. Думается, что допустимо начать знакомство с одной из таких попыток с обращения к литературе. В 1951 г. был опубликован детектив Джозефины Тэй (один из псевдонимов британской писательницы Э. Макинтош) «Дочь времени» (*The Daughter of Time*). Название указывает на известное утверждение, что тайное со временем всегда становится явным, что истина может быть названа дочерью времени.

Сюжет повествования состоит в том, что после неудачной погони за преступником, завершившейся в канализационном люке, инспектор полиции А. Грант с ногой на вытяжке не знает, чем занять себя в госпитале. Добросердечная приятельница принесла ему стопку открыток с портретами людей разных времен. Среди этих изображений внимание Гранта привлекло одно лицо, которое он рассматривал, пытаясь понять характер персонажа: «Этот человек привык к грузу ответственности, и если был обличен властью, то относился к ней серьезно... Склонен к сомнениям. Стремился к совершенству...»². Перевернув открытку, он обнаружил, что дал такую характеристику Ричарду III, которого привык считать «чудовищем злодейства» согласно выразительному определению У. Шекспира.

Заинтригованный несходством визуального образа и сложившегося, стереотипа восприятия личности, детектив начинает расследование. В его распоряжении почти никаких материалов. Он просит медсестер и знакомых принести ему все, что можно найти об этом человеке, обращаясь к доступной рядовому читателю литературе. Все, к кому он обращался, при одном упоминании Ричарда III давали ему негативную характеристику как человеку и правителю, ссылаясь на авторитет школьных учебников, Шекспира и сэра Томаса Мора.

Взявшись за собственное осмысление заинтересовавшего его исторического персонажа, Грант постарался учитывать не только то, что о нем было написано, но и кем, при каких обстоятельствах это писалось. В частности, он принял во внимание, что Томас Мор в течение ряда лет состоял в должности канцлера короля Генриха VIII, а значит, должен был обеспечивать официальное реноме правящей династии. Отец Генриха VIII был узурпатором, и важно было доказать, что его предшественник, тоже узурпатор, был плохим человеком. Мор успешно справился с данной задачей, хронисты времен Тюдоров распространили эту версию, а У. Шекспир превратил последнего Йорка в олицетворение агрессивного злого начала. Воссоздав по крупницам иную картину событий, Грант узнал, что несчастного Ричарда уже пытались оправдать, причем неоднократно.

Одна из таких попыток была предпринята в середине XVIII в. Х. Уолполом. Хорас Уолпол (1717–1797) по рождению принадлежал к верхам британского истеблишмента, был хорошо образован, много повидал, интересовался всем на свете, знал понемногу о многом, т. е. был типичным дилетантом в том значении, которое это слово имело при его жизни. «...Дилетант может вообще не обладать профессиональными навыками ни в одной из областей искусства, но, тем не менее, он является своеобразным генератором идей и активным образом участвует в художественной жизни страны»³.

В годы обучения сначала в Итоне, а потом в Кембридже Уолпол увлекался древнеримской поэзией, сам писал стихи, подражая Вергилию. Увлечение античностью, а значит классицизмом, было закреплено поездкой в Италию, которую он совершил после окончания университета в 1739–1740 гг. вместе со школьным другом Томасом Греем. В ту пору именно античная культура, античная литература определяли интересы английских путешественников.

После возвращения домой молодой аристократ оказался вовлеченным в политическую жизнь, стал членом парламента, писал политические памфлеты в защиту своего отца Роберта Уолпола, два десятка лет бывшего успешным премьер-министром, но отстраненного соперниками от власти. В то же время в силу сложившихся обстоятельств, а также из-за особенностей характера Х. Уолпол, будучи членом парламента, не проявлял себя в ходе парламентских дебатов, не произносил речей в палате, сохранял позицию внимательного, заинтересованного наблюдателя. Его участие в политической борьбе проявлялось в том, что он выступал в качестве консультанта своего кузена, парламентария Ф. Конвея. При этом Х. Уолпол на всю жизнь сохранил интерес и умение разбираться в сложностях политики. Его письма, которые он писал на протяжении всей жизни, содержат описание и анализ различных внутренних и внешних политических перипетий. Фиксация этой стороны деятельности нашего героя важна, поскольку она показывает, что привлекало его внимание в настоящем и прошлом.

Трудно сказать, когда именно интерес Х. Уолпола в художественной сфере смещается от преклонения перед античной древностью в сторону национального прошлого. После смерти отца, т. е. во второй половине 40-х гг., он занялся устройством собственного дома. Будучи младшим сыном, ему не стоило рассчитывать, что резиденция отца Хоутон Холл станет его собственностью.

В 1747 г. Х. Уолпол арендовал, а затем купил неподалеку от Лондона дом с участком, называвшийся Струберри Хилл, который и стал его Домом, имевший облик «маленького готического замка». То внимание, с которым Уолпол обратился к обустройству своего загородного жилища, свидетельствует, что он «сознательно и решительно

избирает для себя удел частного человека и наблюдателя жизни»⁴. Дом в Лондоне, оставленный ему отцом, он периодически посещал, но внимания его облику, обстановке не уделял. Тут невольно вспоминается замеченное Н. М. Карамзиным сравнение между городским и загородным жилищем англичан: «Здесь живут в городе, как в деревне, а в деревне, как в городе; в городе – простота, а в деревне – старомодная пышность»⁵.

Увлечение прошлым, отечественным прошлым получило с середины XVIII в. широкое распространение среди британских интеллектуалов. Эмоциональную атмосферу переходных десятилетий (а британское общество переживало вступление в новый этап развития – промышленный переворот, начало процесса индустриализации) составляли два диаметрально различных настроения: пафос торжествующего прогресса и грусть по безвозвратно уходящему традиционному устройству бытия. В Англии из-за своеобразия ее положения («опережающее» развитие) чувство утраты истоков проявилось раньше, острее, чем у ее соседей на континенте, и выражалось в таких тенденциях культурной жизни, которые получили «задним числом», название «предромантизм».

Сам этот термин впервые использовал в начале XX в. французский ученый Д. Морне. В настоящее время он употребляется в двух значениях: как кризисные явления в просветительской традиции и как отдельные черты, предвосхищающие романтизм. Причем эти черты проявлялись в разных сферах культурной жизни: в литературе, в архитектуре, в интересе к историческому прошлому.

Обращение к героизации и поэтизации прошлого чаще всего выражалось в использовании сюжетов из легендарных кельтских времен. Т. Грей создал несколько поэтических произведений, посвященных кельтской мифологии («Нисхождение Одина», «Роковые сестры»), Т. Макферсон издал «Песни Оссиана», представив их читающей публике как найденные и обработанные им древние сказания. Х. Уолпола интересовала более поздняя история, память о которой отразилась в письменных и архитектурных памятниках.

В его глазах готические постройки представляют собой визуальные образы национального прошлого. В письмах, написанных во время летних путешествий 1752 и 1753 гг. по графствам южной и западной Англии, интерес к историческим памятникам, восхищение готическими постройками проявляется неоднократно. В 1752 г. он объездил Кент и Сассекс, а в 1753 г. посетил Вустершир, Глостершир и Оксфордшир. Для человека, очень ценившего комфорт и удобства домашнего быта, странствие по немощным дорогам под мелким (или частым) дождиком с ночевками в деревенских трактирах, было испытанием. Об этом он не забывает упоминать.

Однако главное в письмах – это восхищение стариной «этой святой земли аббатств и готиче-

ских замков»⁶, писал Х. Уолпол в августе 1752 г. Ричарду Бентли, одному из тех, с кем проектировал и строил свой «маленький готический замок», свой Струберри Хилл. Годом позже, обращаясь к Томасу Чьюту, другому коллеге по «клубничному комитету» (так шутливо именовали себя создатели Струберри Хилл), он признавался: «В еретическом уголке моего сердца я обожаю готику»⁷.

В сентябрьском письме Ричарду Бентли Уолпол описал свою прогулку по ночному Оксфорду: «Луна встала, когда я бродил среди колледжей, и передо мной предстала чарующая готическая сцена». Любопытно, что в том же письме описание средневековых красот дополнено соображением совсем иного плана: «Моя любовь к аббатствам не заставит меня ненавидеть Реформацию»⁸. В этой связи Уолпол отметил, что некоторых современников увлеченность готической стариной превратила в якобитов, приверженцев изгнанной династии Стюартов. Сам он четко разделял свои исторические и эстетические пристрастия и свою политическую позицию «истинного вигга».

Строительство Струберри Хилл, длившееся четверть века, стало своего рода попыткой материализовать, приспособив для «домашнего потребления» готику. Словесным портретом «духа времени», ментальности готической эпохи следует признать создание «готического романа», известного под названием «Замок Отранто», опубликованного в 1764 г. сначала анонимно в собственной типографии Уолпола. За этим сочинением закрепилась характеристика одного из первых «романов ужасов», но из предисловия, написанного автором, явствует, что он хотел передать «дух времени», то мировосприятие, которое отличало людей Средневековья. Автор особо подчеркнул: «Вера во всякого рода необычности была настолько устойчивой в те мрачные века, что любой сочинитель, который бы избегал упоминания о них, уклонился бы от правды в изображении нравов эпохи»⁹.

Спустя несколько десятилетий, В. Скотт, анализируя готическую повесть Уолпола, отметил замысел автора, для которого важно воспроизвести особенности *другого* исторического периода. «Его намерением было нарисовать такую картину домашнего уклада и обычаев феодальных времен, которая была бы достаточно правдоподобна и при этом полна движения благодаря участию в действии сверхъестественных сил, в существование которых истово верило непросвещенное общество той эпохи»¹⁰.

Сочинять письма, повести, сказки, поэмы, путеводители, памфлеты было для Уолпола такой же естественной потребностью, как посещение салонов, балов, маскарадов, театральных представлений. Причем собственное творчество он оценивал достаточно критично. В письме к Т. Грею Уолпол написал: «...Я всегда хотел скорее видеть твои сочинения, чем показывать тебе свои, которые, как ты знаешь, представляют собой

пустячки, и которые занимают меня, пока я над ними работаю, и которые я забываю сразу после того, как они опубликованы...»¹¹.

Его интересы сосредоточились преимущественно на окружающем его мире, на людях, которых он знал, на событиях, происходивших на его глазах. Часть своих впечатлений он в последние годы жизни скомпоновал в несколько тематически и хронологически объединенных сочинений. Очевидно, что данное Уолполом видение задач историка опирается на этот опыт: «Никогда не имел намерения писать серьезную историю, но только воссоздать отдельные анекдоты и характеристики, которые могут пролить свет на время, в которое я жил...»¹². Это утверждение противоречит одному эпизоду в разносторонней деятельности Х. Уолпола.

Обращение к английскому средневековью, рассмотрению которого посвящена небольшая книга «Исторические сомнения относительно жизни и правления короля Ричарда Третьего» («Historic Doubts on the life and Reign of King Richard the Third»), потребовало Уолпола другого отношения, других приемов, другого взгляда на предмет. В 1768 г. он опубликовал ее в своем домашнем издательстве, а чуть позже в том же году вышло второе издание в Лондоне¹³.

В определенном смысле появление данной книги можно рассматривать как продолжение разработки «готической» темы, но на конкретном историческом материале. История короля Ричарда III заинтересовала Уолпола после знакомства с документом, связанным с его коронацией. Этот документ ему показал его старый школьный друг Чарльз Литтлтон, бывший в то время председателем общества антиквариев.

В Предисловии к «Историческим сомнениям» Уолпол обозначил, какие задачи он пытался решить при написании этой работы. Начинает он с того, что он воспринял шекспировскую трагедию, посвященную королю Ричарду III, как гениальный спектакль, а не как достоверный исторический эпизод¹⁴.

Свой подход к заинтересовавшему его историческому эпизоду Уолпол начинает издали, с рассмотрения вопроса о том, зачем вообще писалась история. Он связывает этот интерес с желанием людей, каждой нации найти свои истоки, причем эти истоки должны иметь божественное происхождение. В этом, по мнению Уолпола, нет различий между греческим Гераклом и перуанским Сыном Солнца.

Очень кратко, но категорично охарактеризовав то, как подавалась история в Древности и в Средние века, автор сосредоточился на истории Англии, отметив, что единственным достоинством английских исторических сочинений до времени Генриха VIII может считаться простодушие авторов. Со временем содержание исторических сочинений, пишет он, наполняется подлинными фактами, но подборки фактов преподносятся

всегда так, чтобы прославить или разоблачить кого-то. Уолпол отметил, что в иные времена симпатии вызывает торжествующий тиран, в другие поверженный страдалец.

Развернутое оправдание личности и деятельности Ричарда III составляют содержание «Исторических сомнений». По мнению Уолпола, в пользу его версии говорит тот факт, что попытки восстановления исторической справедливости в отношении Ричарда Йорка предпринимались с начала XVII в., с того времени, когда английский трон перешел к другой династии, и тюдоровская пропагандистская модель утратила свою злободневность. В 1619 г. антикварий Д. Бак попытался написать работу, оправдывающую Ричарда III, но, по мнению Уолпола, доказательства, предложенные этим автором, были неубедительны.

Уолпол признает, что располагает малым числом достоверных свидетельств, относящихся к интересующему его периоду, но отмечает явную тенденциозность имеющихся сведений. Приступая к обоснованию своего подхода к предмету исследования, он исходил из того, что определенный образ короля Ричарда, коварство его характера, уродливость его внешнего облика, изощренность его злодейств был придуман для того, чтобы на этом фоне выигрышнее выглядел Генрих Тюдор, ставший королем после его гибели.

Протюдоровски настроенные авторы старались тем самым оправдать поступки короля-победителя, даже проявление им жестокости, хотя сам факт казней, совершенных Генрихом VII, не отрицают. То, что даже это «попугавшее жюри» признает жестокости, совершенные первым Тюдором, подтверждает достоверность этих фактов. А в отношении злодейских деяний его предшественников нет подтверждений, исходящих от незаинтересованных свидетелей. Обвинения в адрес Ричарда представляются Уолполу сомнительными. Свою задачу он видел в том, чтобы, основываясь на известных данных, сопоставляя их между собой, соотнося описываемые события жизни конкретного человека с хронологией общеизвестных исторических фактов, постараться выявить правдивую картину происходившего.

Х. Уолпол последовательно рассмотрел несколько самых одиозных эпизодов, в которых традиция обвинила Ричарда III. Главные злодеяния, приписываемые Ричарду: убийство Эдварда принца Уэльского, сына Генриха VI, убийство короля Генриха VI, убийство собственного брата герцога Кларенса, казнь Риверса, Грея, Вогана, Гастингса, убийство малолетних племянников и, наконец, убийство собственной супруги, королевы Анны. Он рассмотрел каждое из обвинений, сравнивая свидетельства разных авторов и оценивая их с точки зрения просветительского «здорового смысла».

Большинство обвинений кажутся неубедительными. В частности, три первых «дела»: смерть короля Генриха VI, его сына Эдварда и

герцога Кларенса кажутся Уолполу искусственно связанными с именем Ричарда Глостера. Что касается королевы Анны, то современникам было известно о слабости ее здоровья и смерть ее никого не удивила.

Особое внимание уделяется «принцам в Таузере», истории загадочного исчезновения сыновей Эдуарда IV. Опираясь на сведения, имеющиеся в документе, с которым познакомил его Литтлтон, Уолпол пришел к выводу, согласно которому Ричард не убивал своих племянников. Ему это было не выгодно после того, как принцы были признаны бастардами. Сопоставляя разные данные, он предположил, в частности, что младший из принцев позднее был казнен как самозванец, известный под именем Паркера Уорбека при Генрихе VII.

Что касается пешеходных казней аристократов Риверса, Вогана, Грея и Гастингса, поддержавших вдовствующую королеву Елизавету, претендовавшую на то, чтобы стать протектором при своем сыне, то расправа над ними, по мнению Уолпола, «соответствовали нравам и жестокости того времени и, возможно, могут быть оправданы суровым кодексом необходимости»¹⁵.

Кроме того, Уолпол попытался проследить, как именно и почему отдельные черты Ричарда III сложились в цельный, убедительный и пугающий образ. Он дает характеристику тем авторам, сочинения которых повлияли на восприятие личности и деятельности Ричарда III и обращается чаще всего к свидетельствам Д. Фабиана, Т. Мора, П. Вергилия, Ф. де Коммина, Д. Роуза. Свидетельства Д. Фабиана Уолпол признает ненадежными, потому что автор этой хроники больше интересовался делами своего монастыря, а не той жизнью, которая протекала за его пределами. Полидор Вергилий характеризуется как иностранец, получивший заказ от короля Генриха VII написать «краткую историю» Английского королевства в удобном королю духе. Филипп де Коммин рассматривается как автор, оценивавший английские дела «с другого берега», с точки зрения французских интересов.

Что касается Д. Роуза, то, оценивая его как приверженца Тюдоров, посвятившего свое сочинение Генриху VII, Уолпол указывает на противоречия в этой хронике при описании внешности Ричарда III. Так, рассказывая о коронации Ричарда, он ничего не говорит о каких-то особенностях его внешности. Данная сцена явно была написана непосредственно после этого события и оставлена автором в своем изначальном виде. В другом месте, где дается оценка личности и правлению этого короля, присутствует множество деталей, которые должны были показать злобный характер персонажа. В духе старинных легенд о злодеях Роуз написал, что мать носила Ричарда во чреве два года, родился он уже имея зубы и волосы, и отличался уродством и злобностью. Этот пассаж написан позднее, когда власть перешла к Генриху Ричмонду, которому хронист и посвятил свое сочинение.

Ключевой фигурой для понимания того, каким Ричард III остался в истории, Уолпол считает Томаса Мора. Его незавершенной работе «История Ричарда III» уделено особое внимание. Прежде всего отмечается, что Т. Мор писал о нем в период, когда находился на посту младшего шерифа Лондона и был в немилости у короля Генриха VII. Принимая во внимание характер Мора, ту бескомпромиссность, которую он проявлял всегда, даже когда речь шла о сохранении собственной жизни, Уолпол не допускает мысли о том, что он старался очернить Ричарда Йорка, чтобы угодить Генриху Тюдору. Но взгляды молодого Томаса Мора сформировались, когда он был пажом в доме архиепископа Д. Мортонна, который в свое время предал Ричарда III, а значит, не был заинтересован давать положительный образ этого человека¹⁶.

Проводя параллель между «Историей Ричарда III» и написанной примерно в тот же период «Утопией», Уолпол называет оба сочинения фантазиями. Если попытаться расшифровать это сравнение, то, скорее всего, имеется в виду, что в «Истории Ричарда III» дается в противоположность «Утопии» картина неправильного, дурного правления, своего рода антиутопия. Для создания выразительность художественного образа Т. Мор наделяет своего антигероя запоминающимися чертами внешнего облика и характера, используя те сведения, которые мог получить от Д. Мортонна. Созданный Мором выразительный художественный образ был использован другими авторами уже как достоверное историческое свидетельство.

Что касается хронистов, работавших в последующие десятилетия, то они просто повторяли написанное авторами непосредственно после захвата власти Генрихом Ричмондом. Два самых авторитетных историка Ф. Бэкон и Д. Юм продолжили эту традицию. Причем Ф. Бэкон, сочинение которого служит панегириком правления Генриха VII, упоминает о достоинствах его противника: «... Это был государь испытанной воинской доблести, ревновал чести Англии, и к тому же хороший законодатель, облегчивший участь простого народа...»¹⁷. Впрочем, продолжая мысль, Бэкон добавляет: «... Его жестокости и убийства родственников перевешивали в общем мнении его добродетели и заслуги...»¹⁸. И, наконец, ставит под сомнение отмеченные достоинства: «... Во мнении мудрых людей и сами эти добродетели были скорее проявлениями притворства и лицемерия, служившими его честолюбию...»¹⁹. Так, в одной фразе фиксируются и опровергаются сведения, не соответствовавшие протюдоровской версии истории, а обоснованием этого подхода служит ссылка на неких «мудрых людей». Уолполу эта позиция представлялась не только не правильной, но и не обоснованной.

Уолпол выразил удивление в связи с тем, что Д. Юм, отказавшись от традиционных характе-

ристик нескольких королей, полностью сохранил негативную оценку личности Ричарда III.

Пытаясь реабилитировать последнего Йорка, Уолпол поставил под сомнение и сложившийся внешний образ злополучного короля, ведь существует традиция делать злодеев внешне непривлекательными. В данном случае над созданием образа поработал У. Шекспир, а в XVIII в. – режиссер и актер Д. Гаррик. К середине XVIII столетия в культурной жизни заметно усилился интерес к творчеству Шекспира, а главным популяризатором этой темы стал блистательный актер и режиссер Дэвид Гаррик (1717–1779). На протяжении многих лет он изображал Ричарда III, в этой роли был представлен на одном из портретов кисти У. Хогарта. Образ короля-злодея строился на том, что он, будучи умным, смелым, но физически уродливым, мстит людям за свою ущербность, ломая судьбы окружающих ради получения могущества и власти.

Таким образом, обозначена важность связи между внешним обликом персонажа (и стоящей за ним исторической личности) и его поведением, приписываемыми ему злодеяниями. Учитывая это, важно отметить, что реальный Ричард не был уродлив, а значит, не имел оснований для гипертрофированной злобности, какой наделила его традиция. Вывод Уолпола заключался в том, что образ Ричарда был сфабрикован тюдоровской пропагандой. «...Когда король является главным судьей, историки становятся доброжелательным жюри»²⁰.

С самых первых строк своих «Исторических сомнений» Уолпол отметил, что люди неохотно принимают переоценки устоявшихся мнений, и предположил, что его попытка реабилитации короля Ричарда III вызовет такую же реакцию²¹. Это для него особенно очевидно, если принять во внимание то обстоятельство, что опровергать он взялся Шекспира. «Бессмертные сцены Шекспира будут существовать, когда мои скромные аргументы будут забыты. Ричарда будут обвинять на сцене, когда его защита остается на полке в библиотеке»²².

Уолпол оказался прав. Сразу после выхода в свет книга привлекла внимание читателей. Но это внимание было таким, какое предвидел автор, приступая к написанию своих «Сомнений». Ведь текст начинается с утверждения того, что люди не любят, когда под сомнение ставятся устоявшиеся мнения и оценки. Так получилось и в данном случае. Близкие приятели Уолпола, такие как Д. Селвин и Т. Грей, высказались достаточно неопределенно. В журналах «Критическое обозрение» и «Лондонская хроника» появились весьма настороженные рецензии на книгу. Позднее Уолполу переслали отзыв Э. Гиббона, суть которого сводилась к тому, что доказательства автора ослепляют читателя, но не убеждают его. Позиция Э. Гиббона, так же как и позиция Д. Юма, который тоже не соглашался с той подачей мате-

риала, которую представил Уолпол, была вполне корректна.

Иначе повели себя коллеги Уолпола по Обществу антиквариетов. С 1770 г. общество начало публиковать свой сборник, и первые два выпуска были посвящены опровержению «Исторических сомнений». Одна работа была написана доктором Д. Миллесом, ставшим после смерти Литтлтона председателем общества, а другая – одним кембриджским священником. То, в каком тоне были написаны обе работы, показалось Х. Уолполу оскорбительным, и он заявил о том, что порывает с Обществом антиквариетов.

На протяжении XIX в. в английской исторической науке появлялись работы, авторы которых придерживались, условно говоря, прошекспировской трактовки образа Ричарда III (Ш. Тернер и Д. Гэрднер). Были такие, кто предлагали реабилитировать личность этого короля (К. Хелстед, К. Маркхем). Причем научные споры сэра Маркхема и сэра Гэрднера вылились в личную ссору.

В XX в. споры между ричардианцами и его недоброжелателями продолжились, продолжают они и по сию пору. Чаще всего представители того и другого подхода стараются придерживаться осмотрительной осторожности в своих оценках (П. М. Кендалл, Д. Поттер), но и иногда авторы четко следуют шекспировской выразительности. Примером такого подхода может служить книга Д. Норвича «История Англии и шекспировские короли. Какими они были на самом деле?». Автор опирается на авторитет «нашего лучшего свидетеля сэра Томаса Мора»²³, который называется современником событий, имевшим возможность получить сведения от сведущих людей. То, что Т. Мору в год смерти короля Ричарда было 7 лет, а рос он в окружении людей, находившихся при власти, а значит заинтересованные дискредитировать того, кого они предали, не принимается во внимание. Д. Норич не замечает предложенного давным-давно Х. Уолполом подхода: Т. Мор писал не историческое сочинение, а публицистический памфлет, своего рода антиутопию о дурном правителе, а текст был использован в качестве авторитетного исторического источника. Так что у себя на родине оценка Ричарда III не может считаться устоявшейся.

В отечественной исторической науке переоценка личности последнего Йорка впервые прозвучала в середине XIX в. в лекциях Т. Н. Грановского. Много позднее, в 70-х гг. прошлого века М. А. Барг в книге «Шекспир и история» предложил развернутое обоснование реабилитации Ричарда. Предметом гордости советского историка стало то, что тбилисский театр в те годы поставил «Трагедию о короле Ричарде III» в его трактовке. В нашем веке защитницей короля Ричарда выступила Е. Д. Браун²⁴.

Возвращаясь к рассмотрению и оценке книги Х. Уолпола «Исторические сомнения относительно жизни и правления короля Ричарда

Третьего», хочется обратить внимание на следующее обстоятельство: содержание этой работы представляет собой двоякий интерес, в ней не только предпринята весьма аргументированная попытка реабилитации исторического персонажа, но и содержится интересный историографический анализ рассматриваемой проблемы. Знакомство с текстом Х. Уолпола, посвященного оценке исторической личности короля Ричарда III, позволяет увидеть на конкретном примере, как проявилось восприятие истории через призму предромантизма, в котором наметилось отношение к прошлому как к «другому времени», отличающемуся от современности иными нравами.

Примечания

- 1 Барг М. А. Шекспир и история. М. : Наука, 1979. С. 191.
- 2 Тэй Д. Дочь времени. Дело о похищении Бэтти Кейн. М. : АСТ, 2010. С. 23.
- 3 Соколова М. Феномен дилетанта в английской художественной жизни XVIII в. // Любительство : XVIII–XXI века. От просвещенных дилетантов до рок-музыкантов. М. : Государственный институт искусствознания, 2010. С. 51.
- 4 Там же. С. 55.
- 5 Карамзин Н. М. Записки русского путешественника. М. : Советская Россия, 1983. С. 469.
- 6 Walpole H. Selected letters of Horace Walpole. L. : G. Bell and sons, 1914. P. 48.
- 7 Ibid. P. 62.
- 8 Ibid. P. 65.
- 9 Уолпол Х. Замок Отранто. Предисловие к первому изданию // Комната с гобеленами. Английская готическая проза. М. : Правда, 1991. С. 25.
- 10 Скотт В. О «Замке Отранто» Уолпола. URL: https://royallib.com/read/skott_valter/o_zamke_otranto_uolpola.html#0 (дата обращения: 24.07.2019).
- 11 Walpole H. Selected letters. P. 253.
- 12 Walpole H. Memoirs and portraits / ed. by M. Hodgart. N. Y. : Macmillan, 1963. P. 47.
- 13 Walpole H. Historic Doubts on the life and Reign of King Richard the Third. L. : Printed for J. Dodsley in Pell-Mall, 1768. P. 135.
- 14 Ibid. P. XIII.
- 15 Walpole H. Historic Doubts on the life and Reign of King Richard the Third. P. 49.
- 16 Ibid. P. 17–18, 46.
- 17 Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII. М. : Наука, 1990. С. 5.
- 18 Там же.
- 19 Там же.
- 20 Walpole H. Historic Doubts on the life and Reign of King Richard the Third. P. XV.
- 21 Ibid. P. 1.
- 22 Ibid. P. 114.
- 23 Норвич Д. История Англии и шекспировские короли. Какими они были на самом деле? М. : Астрель, 2012. С. 386.
- 24 См.: Браун Е. Д. Ричард III и его время. Роковой король эпохи Войн Роз. М. : Вече, 2016. 432 с.

Образец для цитирования:

Креленко Н. С. «Исторические сомнения» Х. Уолпола в характеристике Ричарда III // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 337–343. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-337-343>

Cite this article as:

Krelenko N. S. H. Walpole's "Historic Doubts" in his Characterization of Richard III. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 337–343 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-337-343>
